

связи съ этимъ испытываетъ глубокое внутреннее раздвоеніе. А рефлексія съ своей стороны тоже нарушаетъ цѣльность всѣхъ ощущеній, чувствъ и впечатлѣній, и подкашиваетъ ихъ живую непосредственность. Такимъ образомъ, оба рода обстоятельствъ, которыя въ глазахъ Шопенгауера лишаютъ жизнь всякой цѣны, имѣютъ совершенно одинаковый характеръ и значеніе. Какъ то, такъ и другое представляетъ собой отсутствіе непосредственности, въ тѣсной связи съ недостаткомъ цѣльности, то-есть согласія съ самимъ собой.

Выводъ этотъ очень вѣренъ; въ немъ нашло себѣ выраженіе коренное убѣжденіе Шопенгауера, а именно, что дѣйствительное согласіе съ самимъ собой, глубокое и прочное, возможно только при полнѣйшей непосредственности, а гдѣ нѣтъ непосредственности, тамъ не можетъ быть внутренняго согласія и, стало быть, не можетъ быть счастья.

Около этого пункта вертятся всѣ соображенія Шопенгауера о шансахъ счастья въ жизни. И самыя сильныя обвиненія его противъ жизни сводятся къ тому, что прогрессивный жизненный процессъ роковымъ образомъ разрушаетъ все непосредственное и тѣмъ самымъ неизбѣжно уничтожаетъ стройное, гармоническое согласіе жизни съ самой собой.

Къ этому общему его ученію мы теперь и перейдемъ.

VII.

Въ первой нашей статьѣ мы видѣли, что въ основаніи ученія Майнлендера лежитъ такая мысль: въ началѣ было „единство“; расколовшись, оно создало міръ; отсюда вытекаетъ и неизбѣжность страданій въ жизни и неизбѣжная потеря „жизненной энергіи“.

Въ основаніи же міровоззрѣнія Шопенгауера мы находимъ слѣдующее. Все существующее есть ничто иное, какъ проявленіе „воли къ жизни“; эта воля къ жизни, проявляясь въ массѣ единичныхъ, обособленныхъ явленій, тѣмъ самымъ вступаетъ въ борьбу сама съ собой, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего оказывается страданіе и внутреннее разслабленіе, которое Шопенгауеръ называетъ „потерей воли къ жизни“.

Гартманъ утверждаетъ почти дословно то же самое, только у него вмѣсто „воли“ фигурируетъ такъ-называемое „безсознательное“.

И чѣмъ больше познакомишься съ каждымъ изъ этихъ трехъ